

СТАРШАЯ СЕСТРА, МЛАДШАЯ СЕСТРА, КРАСНАЯ СЕСТРА

Три женщины в сердце
Китая XX века

Ю Н Ч Ж А Н

От автора книги
«ДИКИЕ ЛЕБЕДИ. ТРИ ДОЧЕРИ КИТАЯ»

МИО

Юн Чжан
Старшая сестра,
Младшая сестра, Красная
сестра. Три женщины в
сердце Китая XX века
Серия «Больше чем жизнь»
Серия «МИФ Культура»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66718766

*Старшая сестра, Младшая сестра, Красная сестра : три женщины
в сердце Китая XX века / Юн Чжан: Манн, Иванов и Фербер; Москва;*

2022

ISBN 9785001699934

Аннотация

История самых знаменитых сестер Китая. От автора бестселлера «Дикие лебеди», самой читаемой книги о Китае в мире, но запрещенной в КНР.

В то время как страна на протяжении ста лет проходила через трудные периоды войн, революций и кардинальных преобразований, три сестры Сун из Шанхая были в центре власти, и каждая из них оставила неизгладимый след в истории.

Красная сестра Цинлин вышла замуж за «отца Китайской республики» Сунь Ятсена, а после падения Чан Кайши была заместителем Мао Цзэдуна.

Младшая сестра Мэйлин стала женой Чан Кайши – первой леди докоммунистического националистического Китая и одной из главных политических фигур.

Старшая сестра Айлин была неофициальным главным советником Чан Кайши и одной из самых богатых женщин Китая.

О сестрах в Китае даже сложена присказка: «Одна любила деньги, одна любила власть, и одна любила Китай». Они пользовались огромными привилегиями и славой, но также подвергались постоянной смертельной опасности. Они оставались эмоционально близки, даже когда выбирали противоположные политические лагеря.

Это история любви, войны, интриг, храбрости, блеска и предательства, которая отправляет нас в путешествие из Китая на Гавайи, с Гавайев в Нью-Йорк, из Японии в Берлин, а также в секретные конференц-залы в Москве, резиденции коммунистической элиты Пекина и коридоры власти демократического Тайваня. В групповой биографии, которая поочередно становится то интимной, то эпической, автор Юн Чжан раскрывает жизнь трех выдающихся женщин, которые помогли сформировать Китай XX века.

Книга вошла в шорт-лист британской премии Historical Writers' Association в категории нон-фикшен (2020 год).

Книги автора переведены на 40 языков и разошлись по миру тиражом 15 миллионов экземпляров.

Для кого эта книга

Для всех, кто увлекается биографиями незаурядных личностей и семейными сагами.

Для тех, кто хотел бы больше узнать о роли женщин в истории.

Для тех, кто интересуется культурой Китая и Востока.

От автора

Самая известная «волшебная сказка» современного Китая – это история жизни трех сестер из Шанхая, которые родились в конце XIX века. Их семья, носившая фамилию Сун, была богатой, именитой и принадлежала к местной элите... Три дочери четы Сун – Айлин (ее имя составляют иероглифы «изобильные годы», родилась в 1889 году), Цинлин («благословенные годы», родилась в 1893 году) и Мэйлин («прекрасные годы», родилась в 1898 году) – в раннем возрасте были отправлены учиться в Америку, что в то время случалось чрезвычайно редко. Когда девочки вернулись на родину, они говорили по-английски лучше, чем по-китайски. Миниатюрные, с тяжелыми подбородками, сестры Сун по традиционным представлениям китайцев вовсе не были красавицами: овалы их лиц не напоминали дынные семечки, глаза не имели миндалевидной формы, а брови не изгибались ивовыми веточками. Однако их кожа была очень нежной и гладкой, черты лица – тонкими, а стройность тел подчеркивали модные наряды. Сестры повидали мир, отличались умом, свободомыслием и уверенностью в себе. В них чувствовался аристократизм.

Только теперь стало очевидно, насколько незаурядными личностями они были. Их жизни соединили три века (Мэйлин умерла в 2003 году в возрасте 105 лет), сестры оказались в самом центре событий, они жили в эпоху войн, радикальных

революций и масштабных преобразований. Декорации менялись от грандиозных приемов в Шанхае до нью-йоркских пентхаусов, от пристанищ изгнанников в Японии и Берлине до комнат для тайных встреч в Москве, действие переносилось из пекинских резиденций коммунистической элиты на Тайвань, который шел по пути демократических реформ. Надежда, отвага и пылкая любовь трех сестер чередовались с отчаянием, страхом и большими трагедиями. Сестры наслаждались баснословной роскошью, привилегиями и славой, но вместе с тем постоянно рисковали своими жизнями...

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Карта Китая	8
Вступление	9
Часть I. Путь к республике (1866–1911)	18
Глава 1. Возвышение «отца китайской нации»	18
Глава 2. Чарли Сун: методистский проповедник и тайный революционер	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Юн Чжан

**Старшая сестра,
Младшая сестра, Красная
сестра. Три женщины в
сердце Китая XX века**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright: © Globalflair Ltd, 2019.

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC.

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

*** * ***

Посвящается моей матери

Вступление

Самая известная «волшебная сказка» современного Китая – это история жизни трех сестер из Шанхая, которые родились в конце XIX века. Их семья, носившая фамилию Сун, была богатой, именитой и принадлежала к местной элите. Родители сестер исповедовали христианство: мать происходила из знатного христианского рода – китайского клана Сюй, в честь которого назван один из районов Шанхая; отец еще в юности первым из китайцев обратился на американском Юге в методизм. Три дочери четы Сун – Айлин (ее имя составляют иероглифы «изобильные годы», родилась в 1889 году), Цинлин («благословенные годы», родилась в 1893 году) и Мэйлин («прекрасные годы», родилась в 1898 году) – в раннем возрасте были отправлены учиться в Америку, что в то время случалось чрезвычайно редко. Когда девочки вернулись на родину, они говорили по-английски лучше, чем по-китайски. Миниатюрные, с тяжелыми подбородками, сестры Сун по традиционным представлениям китайцев вовсе не были красавицами: овалы их лиц не напоминали дынные семечки, глаза не имели миндалевидной формы, а брови не изгибались ивовыми веточками. Однако их кожа была очень нежной и гладкой, черты лица – тонкими, а стройность тел подчеркивали модные наряды. Сестры повидали мир, отличались умом, свободомыслием и

уверенностью в себе. В них чувствовался аристократизм.

И все-таки «принцессами» современного Китая сестры стали прежде всего благодаря своим уникальным бракам. Мужчиной, который сначала влюбился в Айлин, а затем в Цинлин, был Сунь Ятсен, проложивший революционный путь к свержению монархии в 1911 году. Сунь Ятсена называют «отцом Китайской Республики» и почитают в любом уголке мира, где говорят на китайском языке. Цинлин стала его женой.

Сунь Ятсен умер в 1925 году. Его преемник Чан Кайши ухаживал за младшей из сестер, Мэйлин, и впоследствии женился на ней. В 1928 году Чан Кайши занял пост председателя Национального правительства Китайской Республики и долгое время руководил страной, а в 1949 году коммунисты изгнали его на Тайвань. В течение двадцати двух лет, пока Чан Кайши был у власти, Младшая сестра являлась первой леди страны. В годы Второй мировой войны, когда Чан Кайши возглавлял борьбу китайского народа против японских захватчиков, Мэйлин стала одной из самых известных женщин своей эпохи.

Айлин, старшая из сестер, вышла замуж за Кун Сянси, который благодаря связям жены в течение многих лет занимал важные государственные посты – он был министром финансов и даже премьер-министром. Деятельность супруга помогла Айлин войти в число богатейших женщин Китая.

Помимо дочерей в семье Сун было три сына, и все они

составляли ближайшее окружение Чан Кайши, чего нельзя сказать о Цинлин, вдове Сунь Ятсена, которая примкнула к коммунистам. Цинлин иногда называли Красной сестрой. Так члены одной семьи оказались во враждующих политических лагерях. Во время гражданской войны, которая началась в Китае после Второй мировой, Красная сестра прилагала максимум усилий, чтобы помочь коммунистам разгромить Чан Кайши, хотя его поражение означало бы катастрофу для ее семьи. В 1949 году режим Чан Кайши пал, к власти в стране пришли коммунисты. Председателем Китайской Народной Республики стал Мао Цзэдун, а Красная сестра заняла пост его заместителя.

Безусловно, жизнь сестер уникальна не только тем, что они выходили замуж за очень влиятельных мужчин. Судьбы сестер Сун, и в том числе их личная жизнь, – предмет постоянных обсуждений в китайскоязычной среде. Я помню два конкретных случая из своего детства, прошедшего в Китае времен Мао Цзэдуна, в 1950–1970-х годах XX века, в условиях жесткого тоталитарного контроля и полной изоляции от внешнего мира. Первый эпизод связан с Младшей сестрой, мадам Чан Кайши: поговаривали, что каждый день она принимает молочные ванны, дабы ее кожа сияла свежестью. Молоко, этот питательный и вкусный напиток, было тогда дефицитом, недоступным среднестатистической китайской семье. Купание в молоке казалось возмутительным сибаритством. Один учитель как-то попытался развеять ходившие

слухи и проворчал, обращаясь к своим ученикам: «Неужели вы действительно думаете, что купаться в молоке приятно?» Вскоре он пополнил ряды ненавистных «правых».

Другая история, которая произвела на меня неизгладимое впечатление, касается Цинлин: она, заместитель председателя пуританского Красного Китая, якобы сожительствовала с начальником своей охраны, причем мужчина был вдвое моложе нее. Рассказывали, что они сблизились физически потому, что охранник на руках переносил Цинлин в постель и из постели, когда она состарилась и оказалась в инвалидном кресле. Люди гадали, женаты они или нет, и спорили о допустимости таких отношений. Говорили, что партия разрешила эту любовную связь, поскольку Цинлин давно овдовела и ей требовался мужчина, и якобы партия даже позволила Цинлин по-прежнему носить прославленную фамилию Сунь. Этот случай запомнился мне потому, что мы крайне редко слышали сплетни о сексуальной жизни лидеров страны. Никто не осмеливался перемывать кости высшему руководству.

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 году Китай открылся внешнему миру, а я переехала в Великобританию и узнала о жизни трех сестер гораздо больше. В середине 1980-х годов мне даже поручили написать небольшую книгу о Цинлин – Красной сестре. Я провела исследовательскую работу и подготовила рукопись объемом примерно в тридцать тысяч слов, но так и не прониклась этой темой. Я даже не по-

пыталась докопаться до истины в истории о связи Цинлин с охранником.

В 1991 году вышел мой роман «Дикие лебеди: три дочери Китая». Эта книга повествует о жизни трех женщин: моей бабушки, моей матери и о моей собственной жизни. Тогда же я со своим мужем Джоном Холлидеем работала над биографией Мао Цзэдуна. Мао и его тень главенствовали на протяжении первых двадцати шести лет моей жизни, и я стремилась узнать о нем как можно больше. Затем мое внимание привлекла вдовствующая императрица Цыси, последняя в череде великих правителей Китая. Цыси, прошедшая путь от наложницы низкого ранга до государственного деятеля, в течение нескольких десятилетий фактически правила империей (женщинам в Китае не позволялось быть монархами) и вывела страну из мрака Средневековья в современную эпоху. В течение двадцати лет эти два объекта моих литературных исследований меня не отпускали. Выбрать того, о ком я хотела бы написать, оказалось непросто. В голове мелькнула мысль о сестрах Сун, но я отмела ее. После «Диких лебедей» я писала о людях, которые задают курс и меняют ход истории, а сестры Сун, казалось, не принадлежали к этой категории.

Если судить по доступным источникам, сестры как отдельно взятые личности оставались персонажами из сказки. Об этом свидетельствует распространенное изречение: «Жили в Китае три сестры. Одна любила деньги, другая люби-

ла власть, а третья любила свою родину». Словно и не было никаких внутренних конфликтов, нравственных дилемм, мучительных решений – всего того, что делает людей по-настоящему живыми и вызывает к ним интерес.

Я задумала написать книгу о Сунь Ятсене, которого называют «отцом Китайской Республики», а также «отцом китайской нации». Сунь Ятсен родился в 1866 году, а умер в 1925-м, он проявил себя в период между правлениями Цыси и Мао Цзэдуна, так же, как и они, задавал курс исторического развития страны и служил своего рода «мостиком» от Цыси к Мао. При Цыси Китай начал свой путь к парламентской демократии, к большей свободе и политике открытости. Однако через четыре десятилетия после смерти Цыси (она скончалась в 1908 году) к власти в стране пришел Мао Цзэдун. Он изолировал Китай от внешнего мира и погрузил страну в пучину тоталитарной тирании. Что же произошло за те сорок лет, пока фигура Сунь Ятсена играла ключевую роль в политической жизни Китая? Этот вопрос давно не давал мне покоя. И теперь представился случай найти ответ.

Китайцы и люди, которые живут за пределами китайскоязычного мира и кое-что знают о Сунь Ятсене, считают его поистине святым. Но был ли он таковым? Что именно он сделал для Китая? Каким он был человеком? Я хотела получить ответы на эти и многие другие вопросы.

Воссоздавая по крупицам жизнь Сунь Ятсена и судьбы тех, кто его окружал, я обратила внимание на глубину харак-

тера его жены и ее сестер и заинтересовалась этими женщинами. Я пришла к выводу, что Сунь Ятсен был ловким политиканом, упорно стремившимся к намеченным целям. К счастью для меня (как для биографа), он оказался отнюдь не святым. Прослеживая его путь во власть, полный взлетов и падений, бандитских разборок и заказных убийств, я словно читала детективный роман. Я получала огромное удовольствие, выясняя, как этот человек творил историю. Однако постепенно все более насыщенной и притягательной мне стала казаться жизнь близких ему женщин, лишь отчасти посвященная политике. И я решила сделать исследование их судеб предметом этой книги.

Переключив внимание на трех сестер, я как будто прозрела: только теперь стало очевидно, насколько незаурядными личностями они были. Их жизни соединили три века (Мэйлин умерла в 2003 году в возрасте ста пяти лет), сестры оказались в самом центре событий, они жили в эпоху войн, революций и масштабных преобразований. Декорации менялись от грандиозных приемов в Шанхае до нью-йоркских пентхаусов, от пристанищ изгнанников в Японии и Берлине до комнат для тайных встреч в Москве, действие переносилось из пекинских резиденций коммунистической элиты на Тайвань, который шел по пути демократических реформ. Надежда, отвага и пылкая любовь трех сестер чередовались с отчаянием, страхом и большими трагедиями. Сестры наслаждались баснословной роскошью, привилегиями и славой,

но вместе с тем постоянно рисковали своими жизнями. Цинлин чудом избежала смерти, однако у нее произошел выкидыш, и больше она не могла иметь детей. Перенесенные страдания повлияли на ее деятельность на посту заместителя председателя коммунистического Китая.

Мэйлин тоже не смогла выносить ребенка и осталась бездетной. Политическая карьера ее мужа, Чан Кайши, пошла в гору после того, как он убил одного из врагов Сунь Ятсена. Но и самого Чан Кайши преследовали наемные убийцы, двое из которых однажды ночью пробрались прямо в спальню супругов.

Айлин помогала младшей сестре заполнить душевную пустоту, вызванную отсутствием детей, однако самой Айлин всю жизнь приходилось бороться с неприятностями, не последнее место среди которых занимала ее неизменно дурная репутация: ее считали алчной и подлой Старшей сестрой, при этом Красную сестру воспринимали как непорочную богиню, а Младшую – как яркую звезду международного масштаба. Их взаимоотношения – это целая буря страстей, и не только потому, что Цинлин принимала активное участие в разрушении жизни двух других сестер. Чан Кайши убил человека, которого Цинлин полюбила после смерти Сунь Ятсена; этим человеком был Дэн Яньда, прирожденный лидер и харизматичный политик, основавший Третью партию¹, аль-

¹ Также Рабоче-крестьянская демократическая партия Китая, или Нунгундан.
Прим. ред.

тернативную Коммунистической партии Китая и Гоминьдану.

Современная история Китая неразрывно переплетена с драматическими судьбами сестер Сун. К счастью, работая над книгой об этих женщинах – и о титанах китайской политики Сунь Ятсене и Чан Кайши, – я не испытывала недостатка в материалах. Обширная переписка, мемуары и другие труды, в том числе хранящиеся в Китае, к тому времени уже были опубликованы и доступны. Архивы Тайваня распахнули свои двери. Немало ценных сведений я нашла в Лондоне, где Сунь Ятсен инициировал собственное «похищение», ставшее отправной точкой его политической карьеры. И самое главное: в различных учреждениях и библиотеках США, страны, с которой семья Сун поддерживала тесные связи, хранится огромное количество документов – поистине кладезь информации. Наиболее важный документ, сравнительно недавно пополнивший эти коллекции, – дневник Чан Кайши, который он вел ежедневно на протяжении пятидесяти семи лет: неожиданно личный, со множеством откровений, касающихся его брака с Мэйлин.

История сестер Сун началась, когда Китай вступил на путь преобразования монархии в республику. Человеком, который сыграл главную роль в этом историческом процессе, был Сунь Ятсен. Именно он и его политическая деятельность оказали решающее влияние на жизни и судьбы трех сестер Сун.

Часть I. Путь к республике (1866–1911)

Глава 1. Возвышение «отца китайской нации»

Четвертого июля 1894 года Гавайи провозгласили себя республикой. Годом раньше была свергнута правившая на островах королева Лилиуокалани. Это событие, произошедшее в Тихом океане на расстоянии почти десяти тысяч километров от китайского побережья, имело непредвиденные последствия: оно способствовало становлению современного Китая. Прибывший на Гавайский архипелаг двадцатисемилетний радикально настроенный китаец по имени Сунь Ятсен оказался в среде, где у всех на устах было слово «республика». Роялисты разрабатывали план возвращения королевы Лилиуокалани, войска республиканцев намеревались сокрушить заговорщиков. Гавайи лихорадило. Молодой мужчина, вынашивавший планы по свержению монархии у себя на родине, загорелся идеей о том, что Китай тоже может стать республикой.

Эта мысль была поистине революционной, поскольку монархия являлась единственной политической системой, из-

вестной в Китае. В то время страной правила маньчжурская династия Цин. Маньчжуры не были коренными жителями Китая, они завоевали эти земли в середине XVII века. Маньчжуры составляли не более одного процента населения страны, поэтому их считали малочисленной группой правителей-чужаков. Против маньчжуров постоянно выступали мятежники из числа коренных китайцев (ханьцев). Одним из таких бунтовщиков и был Сунь Ятсен. Мятежники призывали к реставрации доманьчжурской ханьской династии Мин, правившей в период с 1368 по 1644 год. Правда, осуществление этих призывов было маловероятным. Династию Мин, словно чахлое дерево, с корнем вырвало крестьянское восстание, после чего маньчжуры, воспользовавшись смутой, вторглись в страну и уничтожили прежних правителей. Народ не горел желанием вернуть власть династии Мин. Конкретных планов не было ни у кого. Благодаря событиям на Гавайях у Сунь Ятсена появился четкий, ориентированный на перспективу образ родной страны: Китай должен стать республикой. В ноябре 1894 года в залитом лучами солнца Гонолулу Сунь Ятсен основал революционную организацию под названием Синчжунхой («Союз возрождения Китая»). Учредительное собрание провели в двухэтажном деревянном доме с большими верандами, скрытыми за решетками и зеленью тропических растений. Особняк принадлежал управляющему местного отделения одного из китайских банков. На собрании присутствовало более два-

дцати человек. Каждый из участников, подражая гавайским обычаям, положил левую руку на Библию, поднял правую ладонь и зачитал клятву, текст которой написал Сунь Ятсен: «Изгнать маньчжуров... и основать республику»².

Сочетание этих двух целей оказалось гениальным решением. Именно оно и принесло сторонникам республики популярность. Меньше чем через два десятилетия, в 1911 году, маньчжурская династия была свергнута, Китай стал республикой, а Сунь Ятсен впоследствии был провозглашен «отцом нации».

Рано или поздно мысль о преобразовании Китая в республику пришла бы и к какому-нибудь другому политику, но благодаря гавайским событиям Сунь Ятсен первым сделал на нее ставку. Иными словами, амбициозность Сунь Ятсена и его готовность пойти на многое ради достижения своих целей сыграли решающую роль в определении политического курса Китая. Китаю предстояло стать республикой.

Сунь Ятсен был человеком невысокого роста, с правильными, приятными чертами лица и смуглой кожей. Он родился на юге Китая, неподалеку от британской и португальской колоний – Гонконга и Макао. Столица его родной провинции располагалась в сотне километров к северу, город назывался Кантон³. Приморскую деревушку, в которой появился на свет Сунь Ятсен, окружали поросшие лесами невысокие

² Sun Yat-sen (Chen Xi-qi et al. eds.), vol. 1, pp. 4–5.

³ Сейчас Гуанчжоу, столица провинции Гуандун. *Прим. ред.*

холмы. Деревня носила поэтическое название Цуйхэн («изумрудный простор»). Однако малоплодородные почвы в ее окрестностях не годились для земледелия, и крестьяне жили в ужасной нищете. Сунь Ятсен родился 12 ноября 1866 года в хижине-мазанке размером четыре на десять метров, где ютились его родители, бабушка по отцовской линии, двенадцатилетний брат и трехлетняя сестра. Когда мальчик подрос и ему потребовалось больше места для сна, старшим детям пришлось ночевать у родственников. Семья питалась бататом (сладким картофелем) и крайне редко позволяла себе любимый китайцами рис⁴. Мужчины, как правило, ходили босиком. Родители Сунь Ятсена надеялись, что их сыну больше повезет в жизни, и потому звали его «Дисян» – «подобный Северному божеству», в честь небесного покровителя тех мест.

В возрасте четырех лет будущий бунтарь впервые выразил свое несогласие с бережно хранимыми традициями. Мать Сунь Ятсена в тот момент бинтовала ступни его семилетней сестре Мяоси. На протяжении почти тысячи лет женщины китайского народа хань подвергались практике бинтования ног. Девочке ломали четыре пальчика на каждой ноге и пригибали их к ступне, чтобы придать ей форму лепестка лотоса. Ступню туго обматывали длинными полосами ткани, чтобы сломанные косточки не срастались и ступня не уве-

⁴ Sun Yat-sen (Chen Xi-qi et al. eds.), vol. 1, p. 74; Sun, Victor, p. 24; Shang Ming-xuan et al. eds., p. 513.

личивалась в размерах. Крестьянских девочек обычно подвергали этой изощренной пытке в более старшем возрасте, чем дочерей знати, которым ноги бинтовали в два-три года, чтобы изуродованные ступни оставались крошечными. Крестьянки должны были работать, поэтому ногам девочек позволяли немного вырасти. Когда мать Сунь Ятсена, которая даже спустя годы мучилась от боли в деформированных ступнях, начала калечить дочь, мальчик увидел, как сестра мечется от боли, в отчаянии хватаясь за что попало, и принялся умолять мать остановиться. Та расплакалась и объяснила: если его сестра вырастет и у нее не будет ножек миниатюрных, как лепестки лотоса, она станет изгоем, к ней будут относиться как к «ненастоящей китаянке», она «опозорит семью». Сунь Ятсен продолжал упрашивать мать, и в конце концов она уступила – правда только для того, чтобы отвести дочь к деревенской мастерице бинтования ступней⁵.

Сунь Ятсену было пять, когда его семнадцатилетний брат А-Ми (Сунь Мэй) в поисках лучшей жизни отправился на Гавайи. Путь до островов занял сорок дней. Гавайское королевство, в то время независимое, но находившееся под влиянием США, намеревалось развивать сельское хозяйство и охотно принимало фермеров-китайцев. А-Ми работал не покладая рук: сначала нанялся на ферму, а затем открыл свое дело. Он хорошо зарабатывал и немалую часть денег отправлял на родину. Жизнь его родителей значительно улуч-

⁵ Linebarger, Paul, pp. 79–81; Sun Hui-fen, p. 18.

шила, они даже построили новый дом. Когда Сунь Ятсену исполнилось девять лет, его отдали учиться в деревенскую школу. Но зубрить конфуцианскую классику мальчик не желал так же сильно, как и трудиться в поле. Позднее он говорил друзьям, что с той минуты, как научился «мыслить»⁶, он был одержим идеей бегства от жизни, которую тогда вел. В 1879 году старший брат вызвал мальчика к себе, и Сунь Ятсен отплыл на Гавайи. Едва ступив на берег, двенадцатилетний парнишка влюбился в свое новое пристанище. Гавань Гонолулу с ее великолепными зданиями в европейском стиле поразила юного Сунь Ятсена до глубины души⁷. Ровные и чистые улицы казались раем по сравнению с убожеством и грязью родной деревни.

А-Ми рассчитывал, что младший брат поможет ему вести бизнес. Однако Сунь Ятсен не проявил к коммерции никакого интереса, и старший брат записал его в школу Иолани. Школа была основана миссионерами англиканской церкви, в ней учились мальчики – как местные, так и дети иммигрантов. Учебная программа школы была составлена по образцу закрытых частных школ Англии, учителей набирали преимущественно из англичан и американцев. Сунь Ятсен был прилежным учеником и три года спустя – в 1882 году, к моменту окончания школы, – занял второе место по результатам экзамена по английскому языку. А-Ми устроил по это-

⁶ Miyazaki, Tōten, 1977, p. 7.

⁷ Linebarger, Paul, p. 116.

му поводу шумное празднество. От руководства школы Сунь Ятсен получил книгу по истории и культуре Китая: ученики не должны были забывать о своих корнях. В школе Иолани никто не пытался англоизировать Сунь Ятсена, и во время учебы он носил прическу, обязательную для мужчин-китайцев в период правления маньчжуров, – длинную косу на затылке. Сунь Ятсен обожал школу: ему нравилась школьная форма, дисциплина, но больше всего он любил военную подготовку и приходил в настоящий восторг, когда ученики маршировали строем⁸.

Сунь Ятсен продолжил учебу в высшем из образовательных учреждений Гавайев – американском миссионерском Колледже Оаху в Гонолулу. (Сейчас колледж называется Пунахоу. Самый известный выпускник этого учебного заведения – Барак Обама, закончивший его в 1979 году, почти через сто лет после Сунь Ятсена.) Плата за обучение в колледже была высокой – один серебряный доллар в неделю, столько же стоила коза весом около пятидесяти килограммов. Эти расходы серьезно обременили А-Ми, которому и так жилось непросто. Он только что купил землю на острове Мауи и планировал заняться выращиванием сахарного тростника. Его плантация располагалась в горах, на высоте примерно в тысячу двести метров над уровнем моря, под самыми облаками; участок оказался крутым и каменистым,

⁸ Sun, Victor, pp. 79, 89–92; Linebarger, Paul, pp. 122–131; Chung Kun Ai, p. 106; Wong, J. Y. 2012, pp. 193–224.

скудные кустики сорной травы упорно цеплялись за выветренную почву. Эта земля не годилась ни для выращивания сахарного тростника, ни под пастбище для коров или овец. Выжить там могли только козы, которые и были главным активом А-Ми. Он многим жертвовал ради младшего брата.

Располагавшийся у подножия гор Колледж Оаху казался Сунь Ятсену райским уголком: занятия проходили в каменных особняках, по аллеям, засаженным кокосовыми пальмами, было приятно прогуливаться, а на ухоженных лужайках ребята с удовольствием играли. На территории даже был фонтан, притененный папоротниками, и каждый день возле фонтана собирались студентки; они болтали и весело смеялись, уплетая принесенные из дома обеды. Эти юные американки были симпатичными, уверенными в себе и жизнерадостными. Большинство преподавателей составляли молодые женщины, в их числе директриса и ее заместительница. За последней в открытую ухаживал коллега-мужчина.

Это был совершенно другой мир, ничуть не напоминавший родную для Сунь Ятсена кантонскую деревушку и местных женщин. Здешняя атмосфера оказала колоссальное влияние на шестнадцатилетнего юношу. На протяжении всей жизни Сунь Ятсена будут привлекать женщины, похожие на его соучениц. Этим он отличался от многих мужчин-китайцев, которые предпочитали жен традиционного типа, послушных и непритязательных.

Возможно, именно общение с этими девушками, которые

исповедовали христианство (как и молодые люди, с которыми дружил Сунь Ятсен), подтолкнуло его к мысли о принятии этой веры, что позволило бы ему стать членом их общины. Правда, когда Сунь Ятсен упомянул о своем намерении в разговоре с братом, А-Ми встревожился. Для него святыней по-прежнему являлось Северное божество. После ожесточенных споров А-Ми купил несговорчивому брату билет до Китая в один конец, потратившись вдобавок к внесенной авансом плате за обучение.

Четырехлетнее отсутствие Сунь Ятсена лишь усилило тягостные чувства, которые он испытал по возвращении на родину. Он вернулся в Китай летом 1883 года, и с самого первого дня ему не терпелось покинуть страну. Он быстро нашел способ сделать это. В деревне особенно чтили местный храм, в котором восседало Северное божество – позолоченная глиняная статуя, раскрашенная в яркие цвета. В руке статуя держала меч и указывала большим пальцем вверх, на небо – в знак божественного происхождения своей власти. По обе стороны от божества были установлены статуи поменьше – второразрядные богини моря и плодородия. Местные жители испокон веку поклонялись Северному божеству.

Как-то раз Сунь Ятсен подозвал своих друзей и сообщил им, что собирается пойти в храм, чтобы «развеять хотя бы часть суеверий и пощипать само божество». Один из ребят, Люк Чань, вспоминал, что затея Сунь Ятсена привела их в ужас и одновременно раззадорила. Они отправились в храм

днем, когда там никого не было; только стражник дремал, привалившись к стене. Сунь Ятсен оставил Люка и еще одного парня присматривать за стражником, а сам вошел в храм. Вместе с Сунь Ятсеном был его друг Лу – начинающий художник с задумчивым взглядом и выразительными пухлыми губами. Лу отважился лишь соскрести краску со щек одной богини, а Сунь Ятсен неторопливо открыл перочинный нож и отрезал указывавший на небо большой палец Северного божества. Когда подоспевшие друзья Сунь Ятсена увидели отсеченный палец, они были потрясены. Впоследствии Люк писал, что это был «гигантский шаг» для крестьянского парня из маленькой деревушки⁹.

Храмовый стражник проснулся и поднял тревогу. В отличие от друзей, разбежавшихся кто куда, Сунь Ятсен невозмутимо вышел и признался, что он и был зачинщиком. Недоверие и смятение охватили жителей деревушки Цуйхэн. Разъяренные старейшины набросились с упреками на отца Сунь Ятсена и заявили, что его сына следует изгнать из деревни, иначе Северное божество разгневется и нашлет на всех жителей страшные беды. Воспользовавшись моментом, пока ошарашенный отец извинялся и наскребал деньги на ремонт статуи, Сунь Ятсен улизнул из дома.

Люк заметил, что Сунь Ятсен, «с позором изгнанный из деревни, держался совершенно спокойно и хладнокровно». Только тогда Люк догадался: тот, скорее всего, «продумал и

⁹ Chan, Luke and Taylor, Betty Tebbetts, pp. 3, 12–13, 147–148.

заранее спланировал эту акцию», чтобы вырваться из дома. Позднее, узнав товарища еще ближе, Люк пришел к выводу, что Сунь Ятсен «никогда и ничего не предпринимал, не сопоставив причину и следствие с конечным результатом». С юного возраста Сунь Ятсен проявил себя как отличный стратег.

Сунь Ятсен прибыл на родину летом 1883 года, а осенью того же года уехал в Гонконг. Эта британская колония, вначале представлявшая собой горстку рыбацких деревушек у подножия пологих холмов, к тому времени превратилась в большой и красивый город. Набережная Гонконга напомнила Сунь Ятсену Гонолулу, только была намного роскошнее. Сойдя на берег, смысленный бунтарь напрямик направился в Епархиальную мужскую школу и сиротский приют при англиканской церкви, где он рассчитывал найти убежище. План сработал – Сунь Ятсен поселился в молитвенном доме, в помещении над учебными классами.

Родители Сунь Ятсена очень хотели примириться с ним и предложили ему жениться на девушке из соседней деревни. Подобно большинству людей, они считали, что брак и воспитание детей помогут их сыну остепениться и образумиться. Сунь Ятсен согласился и в следующем году вернулся домой, чтобы вступить в брак, однако прежде он записался на обучение в Центральный правительственный колледж Гонконга – по-видимому, таково было условие, которое он поставил родителям.

Брак по стовору полностью устраивал семнадцатилетнего жениха. Его невеста Мучжэнь, кроткая, грамотная и милостивая девушка, была на год моложе. Покладистая по характеру, она не принадлежала к категории женщин, которые скандалят по любому поводу. После свадьбы Мучжэнь осталась дома: ковыляя на забинтованных ножках, она ухаживала за родителями мужа и вела хозяйство. Что касается Сунь Ятсена, то уже через две недели после бракосочетания он уехал. С тех пор он редко навещал родных, а сам жил отдельно, одну за другой меняя любовниц.

Вскоре после женитьбы, в 1884 году, Сунь Ятсен принял христианство – его крестил доктор Чарльз Хейгер, американский миссионер, живший по соседству¹⁰. Для крещения Сунь Ятсен сменил свое имя, означавшее «подобный Северному божеству», на «Ятсен»¹¹, то есть «каждый день новый человек». Однако к истинной вере в Бога Сунь Ятсен не пришел: друзья отмечали, что он нечасто посещал церковь¹². (Впоследствии он будет высмеивать религию.) Тем не менее христианские миссии позволили Сунь Ятсену порвать с прежней жизнью и обзавестись ценными связями. Когда А-Ми, возмущенный известием об обращении брата в хри-

¹⁰ **О событиях 1884 года: записался на обучение в Центральный правительственный колледж Гонконга, женился на Мучжэнь, крестился:** Sun, Victor, pp. 86–87, 98–99; Hager, Charles R., pp. 382–383.

¹¹ Sun Yat-sen (Chen Xi-qi et al. eds.), vol. 1, p. 36.

¹² Shanghai Managing Committee of the Historical Objects of Sun Yat-sen and Soong Ching-ling ed., vol. 1, p. 265; Epstein, Israel, pp. 42–43.

стианство, на некоторое время прекратил платить за его обучение, Сунь Ятсену помогла церковь: ему предложили место в англо-американской миссионерской медицинской школе в Кантоне, на материковой части страны, выше по течению Жемчужной реки (Чжуцзян).

Кантон представлял собой лабиринт немощеных узких улочек, заполненных пешеходами и паланкинами¹³, впереди которых бежали глашатаи и во весь голос вопили, требуя освободить дорогу. На улицах стояли ряды лоточников, в том числе торговавших змеями и кошками, которых китайцы употребляли в пищу. Жить в грязном Кантоне с его потными зловонными толпами Сунь Ятсену не хотелось. Вскоре он помирился с А-Ми, вернулся в Гонконг и записался в недавно открытый Гонконгский медицинский колледж для китайцев¹⁴. А-Ми согласился оплачивать учебу брата по специальности, имевшей очевидную практическую ценность. Несколько месяцев спустя умер их отец; убитый горем А-Ми считал своим долгом заботиться о младшем брате, а потому вдвое увеличил сумму его содержания. Сунь Ятсен получил возможность с большим комфортом прожить пять лет в городе, который он так любил.

Летом 1892 года Сунь Ятсен окончил колледж, но найти работу не смог. Его диплом не признавали в Гонконге: учеб-

¹³ Паланкин – крытые носилки, служившие экипажем для богатых и знатных лиц на Востоке. *Прим. ред.*

¹⁴ Sun Yat-sen (Chen Xi-qi et al. eds.), vol. 1, pp. 46–47; Chen Shao-bai, p. 5.

ная программа колледжа в первые годы его существования не полностью соответствовала британским стандартам. В соседней португальской колонии Макао диплом тоже оказался недействительным¹⁵. Целый год Сунь Ятсен проторчал в Макао, а затем был вынужден перебраться в Кантон, где с дипломом проблем не возникло. Однако Сунь Ятсен по-прежнему не желал ни жить, ни работать в этом городе. Именно в тот момент, когда рухнули все его надежды на карьеру врача, Сунь Ятсен всерьез занялся революционной деятельностью.

Пожив за границей, Сунь Ятсен начал испытывать презрение к своей родине, во всех бедах страны он винил маньчжурскую династию. В течение нескольких лет Сунь и его единомышленники рассуждали обо всем, что им было ненавистно в маньчжурах: от длинных кос на затылке до завоеваний, вызвавших историческую обиду. Они ели лапшу и лелеяли мечты о свержении маньчжуров с престола. Среди соратников Сунь Ятсена был Лу – его сообщник по осквернению деревенского храма, а также еще один близкий по духу человек по имени Чжэн, возглавлявший в Кантоне тайное общество, так называемую триаду. Эти два молодых человека отличались как небо и земля: Лу с виду был добрым и мирным, а Чжэн с его мрачным взглядом, нависавшими веками, вывернутыми губами и крепко стиснутыми зубами походил на настоящего бандита. Друзья строили весьма амбициозные планы: они собирались положить конец династии маньчжу-

¹⁵ Schiffrin, Harold Z., p. 30, Sheng Yong-hua et al. eds., p. 70.

ров и взять правление Китаем в свои руки. Их ничуть не смущал тот факт, что им придется противостоять огромному государству.

Однако Сунь Ятсен и его товарищи были не первыми, кому в голову пришли столь дерзкие мысли. Испокон веков восстания в Китае поднимали простолюдины, стремившиеся к власти. Восстание тайпинов¹⁶ – крупнейшая крестьянская война в истории Китая – вспыхнуло в тех же местах, где родился Сунь Ятсен. Предводитель тайпинского восстания Хун Сюцюань был выходцем из деревни, расположенной неподалеку от родины Сунь Ятсена. Хун Сюцюань довел свое войско почти до самого Пекина, занял огромные территории и едва не сверг маньчжуров. Он даже основал свое повстанческое государство. Незадолго до рождения Сунь Ятсена войска тайпинов были разбиты. Один из повстанцев вернулся домой, в деревню, где жила семья Сунь Ятсена. Сидя под огромной смоковницей, старый вояка рассказывал о сражениях, в которых участвовал. Эти истории завораживали маленького Сунь Ятсена. Повзрослев, он открыто восхищался лидером тайпинов и сожалел, что Хун Сюцюань не

¹⁶ Тайпинское восстание (1850–1864) – крупнейшая по размаху и продолжительности крестьянская война в Китае, направленная против феодального гнета и инациональной маньчжурской династии Цин. Повстанцы создали в долине Янцзы теократическое государство Тайпин тяньго («Небесное государство великого благоденствия») с центром в Нанкине. Восстание было подавлено объединенными силами маньчжуро-китайских и англо-франко-американских войск.
Прим. ред.

преуспел в достижении своей главной цели. Однажды кто-то в шутку сказал Сунь Ятсену, что ему следовало бы стать «вторым Хуном»¹⁷. Сунь Ятсен воспринял эти слова всерьез и решил, что и впрямь справился бы с такой задачей.

Вскоре представилась и подходящая возможность. В 1894 году Япония развязала против Китая войну¹⁸ и уже на следующий год одержала блистательную победу. Поднебесной империей тогда правил двадцатитрехлетний император Гуансюй – человек слабовольный и абсолютно неспособный вести первую для страны современную войну¹⁹. Чем хуже складывалась ситуация, тем сильнее радовался Сунь Ятсен. «Мы ни в коем случае не должны упускать такой шанс,

¹⁷ Chen Shao-bai, pp. 6, 8.

¹⁸ Китайско-японская война (1894–1895) – война Японии против Китая с целью подчинения Кореи, номинально находившейся в вассальной зависимости от китайской династии Цин, и последующего проникновения в Китай. Эта война имела тяжелые последствия для династии Цин: китайское правительство подписало унижительный для Китая Симоносекский договор, по которому признало независимость Кореи, передало Японии остров Тайвань, Пескадорские острова и Ляодунский полуостров, обязалось выплатить огромную контрибуцию, открыть свою территорию для беспрепятственного ввоза иностранных товаров и создания иностранных предприятий. Вскоре ведущие мировые державы приступили к разделу Цинской империи на сферы влияния. Война показала военно-техническое превосходство Японии над Китаем, вскрыла отсталость военной организации Китая и непрофессионализм его военачальников. *Прим. ред.*

¹⁹ У императора имелось множество фобий, в том числе боязнь грома. Каждый раз во время грозы евнухи собирались вместе и кричали во весь голос, тщетно пытаясь заглушить его раскаты. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

он дается только раз в жизни», – говорил он друзьям. Был разработан план. Заговорщики намеревались поднять мятеж в Кантоне и захватить город (этот этап они именовали «Кантонским восстанием»), а после продолжить взятие других областей Китая. Глава кантонской триады, Чжэн, внес предложение, делавшее рискованную затею выполнимой: в роли бойцов могли выступить бандиты – представители местных тайных обществ (триад). В стране существовало множество крупных банд, и кое-кого из их членов вполне реально было подкупить. Сунь Ятсен понял, что может рассчитывать на успех.

Осуществление столь грандиозного замысла требовало огромных затрат. Крупные суммы предстояло выложить на взятки бандитам и приобретение оружия. Именно с целью сбора средств Сунь Ятсен в 1894 году прибыл на Гавайи, где и загорелся идеей развития Китая: отныне он мечтал превратить Китай в республику.

Несколько тысяч долларов США пожертвовала гавайская диаспора китайцев. Сунь Ятсен готовился к поездке в Америку, чтобы собрать еще больше денег. Однако в этот момент из Шанхая пришло письмо от товарища Сунь Ятсена, который призывал его срочно вернуться и начать революцию. Китай терпел от японцев одно ужасающее поражение за другим, маньчжурский режим оказался совершенно беспомощным, деятельность властей вызывала недовольство народа. Сунь Ятсен немедленно отбыл на родину.

Человеком, который написал это письмо и подтолкнул сторонников республики к революционным действиям, был тридцатитрехлетний Чарли Сун – в прошлом пастор методистской церкви, а теперь состоятельный бизнесмен из Шанхая. Чарли Сун познакомился с Сунь Ятсеном в том же 1894 году, когда Сунь ненадолго приезжал в Шанхай. Друг другу их представил Лу, который после осквернения деревенского храма перебрался в этот город. Обсуждая политику, трое мужчин засиделись до глубокой ночи. Чарли Сун разделял антиманьчжурские настроения Сунь Ятсена и восхищался его готовностью к решительным действиям – большинство людей лишь роптали на власть. Сунь Ятсена тогда мало кто знал, однако он излучал сдержанную и вместе с тем мощную веру в себя, в свои поступки и в свой успех. Эта абсолютная уверенность в себе привлекла немало таких сторонников, как Чарли Сун, который охотно оказал Сунь Ятсену щедрую материальную помощь²⁰.

Чарли был отцом трех сестер Сун. В то время Айлин, старшей дочери Чарли, было пять лет, а младшая, Мэйлин, еще даже не родилась. Средней дочери, Цинлин, которая впоследствии, несмотря на яростные протесты Чарли, выйдет замуж за Сунь Ятсена, исполнился год.

²⁰ Sun Yat-sen, *Collected Works*, Chapter 8 of *The Sun Theory*, 1919/06, <http://sunology.culture.tw/cgi-bin/gs32/s1gsweb.cgi?o=dcorpus&ands=id=%22CS0000000030%22.andsearchmode=basic>; Letter to Li Xiao-sheng, 1912/04/14, <http://sunology.culture.tw/cgi-bin/gs32/s1gsweb.cgi?o=dcorpus&s=id=%22TG0000001329%22.andsearchmode=basic>

В начале 1895 года, сразу же после возвращения с Гавайев по просьбе Чарли Суна, Сунь Ятсен вместе со своими соратниками начал подготовку к восстанию. К ним примкнул основатель гонконгского литературного общества Ян²¹. Щеголявший в костюме-тройке с ярким платком в нагрудном кармане, Ян имел связи в деловых кругах Гонконга. Участие Яна обеспечило заговорщикам потенциальную поддержку со стороны местных газет, выходивших на английском и китайском языках. Кроме того, Ян заверил товарищей, что будет вербовать не бандитов, а кули²². Членов литературного общества было гораздо больше, чем сподвижников Сунь Ятсена, к тому же многие из них относились к последнему с опаской²³. Один из членов общества 5 мая 1895 года записал в своем дневнике: «Сунь производит впечатление безрассудного и отчаянного человека. Ради того, чтобы сделать себе имя, он наверняка рискнет даже собственной жизнью». И еще одна запись, от 23 июня: «Сунь хочет, чтобы все слушали его. Это невозможно». Другой член книжного клуба заявлял: «Я не желаю иметь ничего общего с Сунь Ятсеном».

Неудивительно, что, когда обе группы заговорщиков сошлись, чтобы выбрать «президента» новой организации,

²¹ Ян Цюйюнь – основатель и президент просветительного литературного общества Фужэнь («Содействие человеколюбию»). В 1895 году общество Фужэнь вошло в состав основанной Сунь Ятсеном революционной организации «Союз возрождения Китая». *Прим. ред.*

²² Кули – носильщик, грузчик, чернорабочий в ряде стран Востока. *Прим. ред.*

²³ Tse Tsan Tai, p. 4.

большинство голосов получил Ян. Сунь Ятсен был вне себя от ярости: восстание задумал он, значит, именно он и должен возглавить мятеж. Глава кантонской триады Чжэн тоже не на шутку разозлился и сказал Сунь Ятсену: «Предоставь Яна мне. Я устранию его. Нужно просто его убить»²⁴. Один из свидетелей этого разговора предостерег Чжэна: «Если ты убьешь его, в Гонконге будет открыто дело об убийстве и мы не сможем продолжить восстание». Сунь Ятсен согласился и позволил Яну называться президентом – до момента, пока не будет захвачен Кантон. Сторонники республики еще не начали революцию, а кровавая борьба за власть уже разгоралась. Поражает и четкость стремлений Сунь Ятсена: с самого начала он намеревался встать во главе всей страны и ради этой цели готов был проливать кровь.

До поры до времени заговорщики забыли о своих разногласиях и назначили датой выступления девятый день девятого лунного месяца. В этот день китайцам предписывалось навещать могилы предков. У многих жителей города имелись семейные участки на кладбище Кантона, и в тот день там должны были собраться толпы народа. Вместе с ними мятежники и планировали войти в город.

Находившееся в Пекине правительство страны получило предупреждение о заговоре от своих официальных представителей из тех стран, где Сунь Ятсен искал средства у местных китайцев и покупал оружие. Власти Китая оповестили

²⁴ Chen Shao-bai, p. 29.

губернатора Кантона, который уже знал о готовившемся восстании от собственных осведомителей. Сунь Ятсена не арестовали, однако меры безопасности в целом были усилены, а за Сунь Ятсеном начали следить – незаметно, но пристально.

Сунь Ятсен почувствовал опасность. В последнюю минуту возникла проблема: завербованные Яном в Гонконге кули не смогли прибыть вовремя, и Ян просил отложить выступление на два дня. Однако Сунь Ятсен принял решение полностью отказаться от восстания. Утром назначенного дня он отменил все планы, а Чжэн расплатился с собравшимися наемниками и распустил их. На вечернем пароме Чжэн бежал в Гонконг. Сунь Ятсен, предполагая, что военные оцепят район пристани, избрал другой путь.

В тот вечер местный пастор, который был другом Сунь Ятсена, устраивал пышный банкет по случаю свадьбы сына. Выбирать для свадьбы день, когда по традиции следует посещать кладбище, было по меньшей мере странно – китайцы сочли бы его весьма неблагоприятным. Возможно, священник затеял торжество именно для того, чтобы обеспечить прикрытие Сунь Ятсену. Тот явился на банкет, где затерялся в толпе гостей и ускользнул к Жемчужной реке. У реки Сунь Ятсена ждала маленькая лодка, которая доставила его вниз по течению, пройдя притоками, неизвестными даже лодочнику. Дорогу показывал сам Сунь Ятсен – очевидно, он изучил свой маршрут во всех подробностях²⁵. Сначала он

²⁵ Бегство Сунь Ятсена из Кантона: Deng Mu-han; cf. Wong, J. Y. 2012,

отправился в Макао, где затаился на несколько дней, после чего объявился в Гонконге. Сунь Ятсен не хотел, чтобы его считали первым, кто обратился в бегство.

Когда Сунь Ятсен решил отменить выступление, его друга Лу не было рядом, поэтому он не успел скрыться. Лу арестовали и обезглавили. Кроме того, казнены были несколько главарей гонконгских банд – их схватили, когда они вместе с завербованными наемниками высадились в Кантоне. Под арестом оказались и множество кули. А след Сунь Ятсена к тому времени давно простыл. Гонконгские газеты обрушились на Сунь Ятсена с критикой за то, что он бросил товарищей на произвол судьбы²⁶. Возможно, он ничем не мог помочь соратникам, не подвергая опасности самого себя. И все же продуманное бегство выдавало в нем проницательного человека с удивительно развитым инстинктом самосохранения.

Вернувшись в Гонконг, Сунь Ятсен обратился за советом к доктору Джеймсу Кэнтли. Кэнтли преподавал в медицинском колледже, где учился Сунь Ятсен, и с тех пор у них сложились дружеские отношения. Доктор Кэнтли с его добрыми глазами и типично викторианской густой бородой сочетал в себе черты деятельного энтузиаста, обожавшего свою работу, и недовольного радикала, одержимого духом авантюризма. Он решительно выступал против маньчжурского

pp. 587–593; Chen Shao-bai, pp. 29–30.

²⁶ Wong, J. Y. 2012, pp. 574, 578.

владычества в Китае, а у себя на родине был пламенным шотландским националистом. Один из друзей писал о докторе Кэнтли: «Самое примечательное из всех его незаурядных качеств – горячий национализм». Когда Кэнтли изучал в Лондоне медицину, в качестве повседневной одежды он носил килт – случай для тех времен исключительный. Доктору Кэнтли суждено было не только спасти своему бывшему ученику жизнь, но и способствовать началу его политической карьеры²⁷.

Исполненный сочувствия, Кэнтли направил Сунь Ятсена к юристу, который посоветовал молодому революционеру немедленно покинуть остров. Пекин требовал экстрадиции Сунь Ятсена и его соратников. Первым же пароходом Сунь Ятсен (а вместе с ним и Чжэн) отплыл из Гонконга в Японию. Там Сунь Ятсен узнал, что японское правительство рассматривает вопрос о его выдаче, и понял, что придется бежать. Чтобы изменить внешность, он отрезал свою косу, которую все равно терпеть не мог, отпустил усы и переоделся в европейский костюм. Внешне ничем не отличаясь от современного японца, Сунь Ятсен отбыл на Гавайи.

В списке лиц, объявленных в розыск, имя Сунь Ятсена стояло первым. За его поимку была назначена награда в тысячу серебряных долларов. С этой цены, обещанной за его

²⁷ Доктор Джеймс Кэнтли: Cantlie, Neil and Seaver, George, pp. xxv, xxviii; Cantlie, James and Sheridan, Charles Jones, p. 18; интервью с Хью Кэнтли, внуком доктора Кэнтли, 12.04.2016.

голову, началась жизнь Сунь Ятсена в статусе политического эмигранта.

На Гавайях Сунь Ятсен надеялся собрать достаточно денег для новой попытки поднять восстание. Однако на этот раз он потерпел полнейшее фиаско. Люди ужасались жестокости его методов или боялись, что их уличат в связях с этим человеком. Едва он начинал говорить, они зажимали уши и бросались наутек. Впрочем, смутить или испугать Сунь Ятсена было практически невозможно. Не думая отступать от своих намерений, в июне 1896 года он отправился на материковую часть Америки. Путешествуя от западного побережья до восточного, Сунь Ятсен повсюду искал китайские сообщества: он проповедовал людям идеи революции, а затем обращался к ним с просьбами о пожертвованиях. Правда, куда бы ни приезжал Сунь Ятсен, будь то Сан-Франциско или Нью-Йорк, жители Чайна-таунов сторонились его. Как он позднее отмечал, соотечественники воспринимали его «как ядовитую змею или опасного скорпиона»²⁸; лишь немногие христиане соглашались побеседовать с ним. Потратив впустую несколько месяцев, Сунь Ятсен пересек Атлантический океан и прибыл в Великобританию.

Пекин контролировал все перемещения Сунь Ятсена. Чтобы установить за ним слежку, китайская дипломатическая миссия в Лондоне наняла детективное агентство Слейтера. Первого октября 1896 года руководитель агентства

²⁸ Sun Yat-sen (Chen Xi-qi et al. eds.), vol. 1, p. 110.

Генри Слейтер представил в миссию свой отчет: «Согласно Вашим распоряжениям, мы направили одного из наших агентов в Ливерпуль, чтобы взять под наблюдение человека по имени Синь Унь [так назвался Сунь Ятсен], пассажира парохода “Маджестик” компании “Уайт Стар”. Позвольте доложить Вам, что китаец, соответствующий Вашему описанию, был замечен сходящим с вышеуказанного судна вчера в 12 часов пополудни на пристани Принца в Ливерпуле».

Далее сотрудники детективного агентства подробно изложили все детали поездки Сунь Ятсена в Лондон, в том числе указали поезд, на который он намеревался сесть, но опоздал, поезд, на который он сел, и сообщили, как именно он забирал свои вещи из багажного отделения на вокзале Сент-Панкрас и как после этого «проследовал в кэбе № 12616» в отель²⁹.

На следующий день Сунь Ятсен навестил доктора Кэнтли в его доме в центральной части Лондона по адресу Девоншир-стрит, 46. В феврале 1896 года Кэнтли вернулся из Гонконга в Великобританию. Накануне отъезда к нему явился один из друзей Сунь Ятсена. Согласно показаниям, которые Кэнтли впоследствии дал британским властям, этот человек сообщил ему, что Сунь Ятсен хочет видеть доктора и «что сам он теперь в Гонолулу»³⁰. Чтобы встретиться с быв-

²⁹ **Отчеты детективного агентства Слейтера:** Luo Jia-lun, pp. 100–176.

³⁰ **Показания доктора Кэнтли:** The National Archives, London, UK, FO 17/1718, p. 122.

шим учеником, Кэнтли сделал гигантский крюк и отправился на Гавайи. Поистине, в докторе Кэнтли Сунь Ятсен нашел родственную душу.

Кэнтли помог Сунь Ятсену найти жилье в Холборне и часто принимал его у себя. Других знакомых в Лондоне у Сунь Ятсена не было, так что посещение доктора стало практически единственным его развлечением. Судя по донесениям детективов, обычно его дни проходили так: он «прогуливался по Оксфорд-стрит, разглядывая витрины магазинов... затем вошел в заведение компании “Экспресс Дейри” в Холборне, где отобедал, после чего без четверти два вернулся в восьмой номер отеля “Грейс-Инн-Плейс”. Без четверти семь он вновь вышел, пешком дошел до ресторана в Холборне, где пробыл три четверти часа; в половине девятого он вернулся в восьмой номер отеля “Грейс-Инн-Плейс”, после чего в тот день больше не покидал гостиницу».

Неделю спустя агентство отметило в своем отчете: «Наблюдение проводилось ежедневно, однако ничего примечательного не происходило: означенного джентльмена видели только совершающим прогулки по центральным улицам и глазающим по сторонам». Китайская дипмиссия просила агентство обращать особое внимание на китайцев, которые будут посещать Сунь Ятсена. Детективы в ответ сообщали: «Во встречах с кем-либо из своих соотечественников он не замечен». Еще через несколько дней детективы полностью прекратили слежку за Сунь Ятсеном.

Приближалась годовщина отмененного Кантонского восстания. Сунь Ятсен должен был как-то напомнить о себе, если не хотел, чтобы его дело кануло в Лету. И у него родилась идея. Китайская дипломатическая миссия располагалась по адресу Портленд-Плейс, 49. Каждый раз, когда Сунь Ятсен навещал доктора Кэнтли, он доезжал на автобусе до Оксфорд-сёркус и шел мимо двери дипмиссии. От нее до дома доктора было три минуты ходьбы. Намекая на это удивительное совпадение, доктор Кэнтли однажды сказал гостю: «Ну что же, я полагаю, вы не собираетесь обращаться в китайскую дипмиссию». Сунь Ятсен «засмеялся», о чем свидетельствуют показания доктора, и ответил: «Думаю, нет». А миссис Кэнтли добавила: «Туда вам лучше не ходить; вас вышлют в Китай, и тогда вам не сносить головы»³¹.

И хотя все дружно посмеялись над этой идеей, Сунь Ятсен взял ее на заметку. Можно заглянуть в дипмиссию – ведь теоретически это территория Китая, – и спровоцировать какой-нибудь инцидент, например затеять спор или даже ссору со служащими, добиваясь того, чтобы его вышвырнули на лондонскую улицу. Это худшее, что с ним может случиться, рассудил Сунь Ятсен. Он устроит скандал и тем самым привлечет к себе внимание. Возможно, его выходка даже попадет в сводку новостей. Разумеется, ему придется рисковать, но дерзости у Сунь Ятсена было с избытком. Его жизнь состояла из череды рискованных поступков, однако риск все-

³¹ The National Archives, London, UK, FO 17/1718, p. 121.

гда был просчитан. Сунь Ятсен кое-что выяснил и решил: «Это Англия. Китайский посланник не вправе предъявить мне обвинения как преступнику. Даже если меня задержат, со мной ничего не смогут сделать. Китайский посланник не имеет на то юридического права, к тому же Китай и Великобритания не подписывали соглашение о выдаче преступников»³². Сунь Ятсен практически не верил в то, что его могут тайно переправить из самого центра Лондона в Китай, а потому быстро исключил этот вариант. Отмахнулся он и от мысли, что в здании дипмиссии его могут убить. Китайскому правительству было бы гораздо проще нанять головореза, чтобы прикончить Сунь Ятсена в номере никому не известного отеля. А здание дипмиссии располагалось на одной из центральных улиц Лондона, большинство сотрудников были местными жителями, британцами, в том числе экономка, дворецкий, лакей и швейцар. Едва ли они согласятся участвовать в его устранении. Более того, дипмиссию временно возглавлял шотландец, сэр Холлидей Макартни, поскольку китайский посланник Гун был нездоров. Об этом Сунь Ятсен узнал от доктора Кэнтли. Доктору были известны обязанности и полномочия сэра Холлидея и даже место его жительства.

Сунь Ятсена успокаивал тот факт, что дипмиссией руководил гражданин Великобритании. Британец знает законы

³² Luo Jia-lun, pp. 45, 48–49; The National Archives, London, UK, FO 17/1718, pp. 119–121.

своей страны и не станет причинять ему серьезного вреда.

Сунь Ятсен поделился своими намерениями с доктором Патриком Мансоном. Доктор Мансон, первый декан медицинского колледжа в Гонконге, входил в ряды научной элиты, за свои заслуги он получил звание «Отец тропической медицины». Мансон не одобрил действия Сунь Ятсена в Кантоне и посоветовал ему «прекратить заниматься подобными вещами». Позднее Мансон заявлял представителям британских властей: «[Сунь Ятсен] говорил о том, что собирается в дипмиссию Китая, а я сказал, что не рекомендую ему делать это. Он ответил, что последует моему совету и не пойдет»³³.

Однако Сунь Ятсен все-таки пошел в дипмиссию – в субботу, 10 октября 1896 года, почти в то же время, когда годом раньше должно было начаться Кантонское восстание. Войдя в здание дипмиссии, он спросил, есть ли среди сотрудников кантонцы. С ним общался переводчик-кантонец Тан. Они договорились, что Сунь Ятсен придет на следующий день и они вместе отправятся в порт, чтобы встретить неких торговцев из Кантона. Проводив посетителя, Тан принялся размышлять о состоявшемся разговоре и заключил, что беседовал не с кем иным, как с самим Сунь Ятсеном – человеком, арестовать которого жаждали маньчжурские власти. Тан доложил о случившемся китайскому посланнику Гу ну.

Китайского посланника Гуна Сунь Ятсен особенно в рас-

³³ The National Archives, London, UK, FO 17/1718, p. 122.

чет не брал. Бюрократ Гун был человеком в высшей степени честолюбивым, но умом не блистал. Прикинув, сколько он может получить за поимку заклятого врага правящей династии, Гун рьяно взялся за дело и лично принимал все решения, несмотря на физическую слабость (несколько месяцев спустя Гун умер). Он отдал приказ задержать Сунь Ятсена и одновременно телеграфировал в Пекин, сообщая, что, поскольку Сунь Ятсен преступник, объявленный в розыск, а дипмиссия – китайская территория, «конечно же, он должен быть задержан».

В воскресенье утром сэра Холлидей распорядился, чтобы слуги, в том числе швейцар, англичанин Джордж Коул, освободили и привели в порядок комнату на третьем этаже в задней части дома. Эта комната предназначалась для Сунь Ятсена. Когда Сунь Ятсен явился, Тан под предлогом экскурсии по зданию дипмиссии подвел его к подготовленной комнате, а сэра Холлидей препроводил внутрь. Крепкий и рослый шотландец объявил «тщедушному» (судя по описаниям лондонских журналистов) Сунь Ятсену: ему известно, что по китайским законам Сунь Ятсен совершил серьезное преступление. «Теперь, когда вы здесь, будьте любезны задержаться на один день и одну ночь, пока мы не получим ответ [из Пекина]», – попыток сэр Холлидей, после чего покинул комнату и запер дверь снаружи, а Коулу приказал «следить, чтобы этот человек не сбежал». Коул по очереди с другими слугами караулил Сунь Ятсена под дверью комнаты.

Такого поворота событий Сунь Ятсен не ожидал. Он хотел, чтобы его вышвырнули на улицу, а не посадили под замок. Когда Сунь Ятсен услышал, как Тан дает Коулу поручение повесить на дверь еще один замок, а потом – как этот замок запирают, его беспокойство усилилось. В ту ночь он почти не спал.

Посланник Гун отправил в Пекин телеграмму, в которой с гордостью сообщал, что взял под стражу Сунь Ятсена, и спрашивал, что делать дальше. Гун привык просто следовать инструкциям. Однако в Пекине не знали, как поступить с задержанным. Великобритания уже отказалась от его ареста и высылки. Министерство иностранных дел Китая потребовало от посланника решить проблему своими силами: «Каким образом Вы намерены доставить его морским путем в Кантон – так, чтобы Англия не препятствовала этому и он прибыл к месту назначения? Будьте добры обстоятельно посоветоваться с юристами и разработать план, прежде чем что-либо предпринимать». Сложившаяся ситуация явно внушала Пекину опасения, а действия Гуна даже вызывали досаду: «Искренне надеемся, что Вы проявите осмотрительность и сделаете все возможное».

Посланник Гун вынужден был обратиться за помощью к сэру Холлидею. Шотландец связался со своим другом, владельцем паровой компании «Глен Лайн», и поинтересовался, можно ли зафрахтовать судно, чтобы перевезти через океан некоего «безумца». Компания пожелала получить

семь тысяч фунтов стерлингов за сухогруз водоизмещением две тысячи тонн. Посланник Гун отправил в Пекин телеграмму с просьбой согласовать предложенный план. Гун предупредил власти Китая, что если этот вариант будет отвергнут, ему придется отпустить Сунь Ятсена. Ответа от китайского министерства иностранных дел не последовало. Очевидно, сотрудники министерства считали, что тайно вывезти Сунь Ятсена из центрального Лондона и доставить его в Китай – задача попросту невыполнимая. Вместе с тем китайский МИД не хотел и отклонять этот сценарий, поскольку отказ был равносильен распоряжению освободить Сунь Ятсена. Министерство отнюдь не желало брать на себя ответственность за такой шаг. Пекин молчал.

Не получив разрешения уплатить семь тысяч фунтов стерлингов, посланник Гун не мог осуществить свой замысел и нанять судно компании «Глен Лайн» – впрочем, не мог он и отпустить Сунь Ятсена, поскольку тоже не хотел брать на себя ответственность. Так что Сунь Ятсен фактически оставался в тюрьме.

Сидя под замком, Сунь Ятсен принял меры предосторожности, чтобы его не отравили. Пригодилось его медицинское образование: он питался только хлебом, бутылочным молоком и сырыми яйцами. Когда переводчик Тан рассказал ему про план с судном «Глен Лайн», Сунь Ятсен всерьез перепугался. Он просил Тана «вымолить» у посланника, а через него и у правящей династии прощение и сохранить ему

жизнь и клялся «больше никогда не ввязываться ни в один мятеж».

Сунь Ятсен понимал, что необходимо сообщить о случившемся доктору Кэнтли. Он передал несколько записок Джорджу Коулу, уговаривая его отнести их доктору и обещая щедрую награду. Однако Коул приносил записки сэру Холлидею, который объяснил швейцару, что Сунь Ятсен «сумасшедший». Сунь Ятсен догадывался, что его послания не доходят до адресата. Как-то раз он сказал Коулу, что хочет подышать свежим воздухом, и Коул открыл окно в его комнате. На окне стояли решетки, и выбраться Сунь Ятсен не мог, но ему удалось просунуть руку в зазор между прутьями. Сунь Ятсен бросил на крышу соседнего дома записку, в которую для тяжести положил несколько монет. Слуга-китаец заметил это, и Коул полез на крышу, достал записку и вручил ее сэру Холлидею. После этого инцидента шотландец приказал слугам наглухо заколотить окно.

В конце концов Сунь Ятсен все-таки убедил Коула, что он не сумасшедший, а, скорее, некто вроде лидера оппозиционной партии. «...И поскольку я возглавляю эту партию, меня заперли здесь. Они хотят заковать меня в наручники, заткнуть мне рот, доставить на борт корабля и отослать в Китай», – утверждал Сунь Ятсен. Эти слова тронули швейцара, и он решил посоветоваться с экономкой миссис Хау, стоит ли помогать Сунь Ятсену. Миссис Хау ответила: «На вашем месте, Джордж, я бы помогла». И прежде чем Коул отнес за-

писку Сунь Ятсена доктору Кэнтли, сердобольная женщина принялась действовать сама. Она написала анонимное письмо и подсунула его под входную дверь дома супругов Кэнтли. Письмо гласило: «Одного из ваших друзей держат под замком здесь, в китайской дипломатической миссии, с прошлого воскресенья. Его хотят выслать в Китай, где его наверняка повесят. Для бедняги это весьма прискорбно, и если ничего не предпринять немедленно, его увезут... Я не решаюсь подписаться своим именем, но все это чистая правда, так что верьте мне».

В субботу, 17 октября, около полуночи доктор Кэнтли услышал звонок в дверь и нашел письмо. К тому времени Сунь Ятсен просидел взаперти неделю. Доктор сразу же развернул кампанию по спасению друга. Он помчался домой к сэру Холлидею, но никого там не застал. Затем он взял кэб и доехал до полицейского участка в Марилебоне, после чего направился в Скотленд-Ярд. Рассказывая о происшествии, доктор Кэнтли столкнулся с определенными трудностями: никто не верил его словам. Дежурный инспектор Скотленд-Ярда посчитал доктора Кэнтли пьяным или помешанным и посоветовал ему вернуться домой. Остаток ночи доктор провел на улице возле здания дипломатической миссии, чтобы предотвратить возможные попытки похитить Сунь Ятсена.

Миссис Кэнтли записала в своем дневнике, что воскресенье стало «днем надежд и опасений. Хеймиш [доктор Кэнт-

ли] первым делом побывал у судьи Э., затем у мистера Г.... но так и не добился хоть сколько-нибудь удовлетворительных результатов для Сунь Ятсена. Возвращаюсь из церкви, а Хеймиш ушел к Мансону, чтобы заодно выяснить, нельзя ли разыскать сэра Холлидея Мак-Картни [*sic*]. Мансон встал на нашу сторону и возмутился действиями дипмиссии. Некий человек [Коул] – как оказалось, сторож Сунь Ятсена, – принес две визитки, на которых тот умолял нас спасти его».

На обороте одной из визиток Сунь Ятсен написал: «Меня схватили в китайской дипломатической миссии в воскресенье и собираются тайно увезти из Англии в Китай на верную смерть. Умоляю, спасите меня скорее!» Эти слова сначала были написаны карандашом, а потом обведены пером. Спереди на визитке, над напечатанными словами «Доктор Я. С. Сунь», Сунь Ятсен написал фамилию и адрес Кэнтли, а ниже добавил: «Пожалуйста, позаботьтесь пока вместо меня о том, кто доставил это послание, он очень беден и может лишиться [*sic*] работы, помогая мне».

Более настойчивая мольба на другой визитке была написана только пером: «Д. М. [дипмиссия] уже фрахтовать [*sic*] судно, чтобы увезти меня в Китай, меня всю дорогу продержат под замком, не давая ни с кем общаться. О, горе мне!»

С этими визитками и в сопровождении доктора Мансона Кэнтли во второй раз побывал в Скотленд-Ярде, а затем – в министерстве иностранных дел Великобритании. Один из

чиновников министерства сразу же понял суть дела и занялся им. Доктор Кэнтли и доктор Мансон направились в дипмиссию и сообщили ее сотрудникам, что британским властям известно о случившемся. В дипмиссии почувствовали, что ставки в игре возросли. Посланник Гун тотчас же отправил в Пекин телеграмму, в которой спрашивал, не нужно ли отпустить Сунь Ятсена, пока не начались неприятности с британским правительством. Однако и на этот раз ответа не последовало. Никто не желал лично отдавать приказ об освобождении Сунь Ятсена. И он по-прежнему оставался заперт в здании дипмиссии.

Чиновники-мандарины прятали головы в песок и мечтали, что трудности как-нибудь разрешатся сами собой, а в это время британское министерство иностранных дел, министерство внутренних дел, Скотленд-Ярд и лорд Солсбери, который был тогда министром иностранных дел и премьер-министром, интенсивно обменивались информацией. С ведома Солсбери здание дипмиссии окружили полицейские, получившие приказ хватать каждого, кто попытается тайно вывести Сунь Ятсена наружу. Было отдано распоряжение взять под наблюдение все суда, направлявшиеся в Китай. Между тем полиция продолжала допрашивать Коула. Два уважаемых врача, доктор Кэнтли и доктор Мансон, дали показания под присягой. На основании этих сведений в четверг, 22 октября, через одиннадцать дней после задержания Сунь Ятсена, лорд Солсбери написал руководству китай-

ской дипломатической миссии: «Задержание этого человека против его воли китайской дипмиссией представляло собой, по мнению правительства Ее Величества, несоблюдение английского закона, который не является дипломатической привилегией иностранного представителя и, таким образом, был нарушен. Следовательно, я имею честь требовать немедленного освобождения Сунь Ятсена».

Сэра Холлидея вызвали в министерство иностранных дел. Он выслушал требование лорда Солсбери, подчинился ему и согласился организовать передачу Сунь Ятсена представителям британских властей в здании дипмиссии в половине пятого вечера на следующий день. В назначенное время 23 октября старший инспектор Ф. Джарвис и чиновник из министерства иностранных дел Великобритании в сопровождении обрадованного доктора Кэнтли отправились в дипмиссию за Сунь Ятсеном^{34, 35}.

Когда Сунь Ятсен спустился вниз, доктор Кэнтли осмотрел его и убедился, что бывший узник находится «в добром

³⁴ После освобождения Сунь Ятсена пекинские мандарины вдруг спохватились и отправили в дипмиссию телеграмму с разрешением зафрахтовать судно для перевозки задержанного в Китай. В сообщении также указывалось, что Сунь Ятсена следует заковать в наручники и тщательно охранять. Телеграмму пометили задним числом, когда Сунь Ятсена еще держали взаперти. Безусловно, она предназначалась для правящей династии и должна была стать документальным свидетельством участия китайских властей в разрешении конфликта. Со своей стороны, посланник Гун передал Пекину, что уже зафрахтовал пароход и был готов отправить Сунь Ятсена в Китай, когда вмешалось британское правительство.

³⁵ **Информация в сноске:** Luo Jia-lun, pp. 53, 61.

здравии... и превосходном расположении духа»³⁶. Сунь Ятсен и вправду был доволен, когда увидел, что его ждет целая свита репортеров: доктор Кэнтли оповестил прессу. Возле дипмиссии собралась толпа, в том числе фотографы, художники, негодующие прохожие, и все засыпали освобожденного вопросами. В течение нескольких дней газеты даже в Америке и в Австралии, не говоря уже о Японии, Гонконге и Шанхае, с подробностями рассказывали о Сунь Ятсене, а во всех заголовках бросалось в глаза слово «похищение».

Сэр Холлидей отправил в газету «Таймс» письмо, в котором объяснял, что Сунь Ятсен явился в дипмиссию по своей воле. Однако это ничего не меняло. Как указал лорд Солсбери, для британцев важнее всего было то, что «войдя туда... он стал заключенным, помещенным под охрану». Сунь Ятсен категорически отрицал, что вошел в здание по своей воле, и утверждал, что понятия не имел о том, что это дипмиссия. Следует заметить, что он тщательно выбирал выражения, заявляя, что к нему «обратились... и ему пришлось войти»³⁷. На допросе, который проводили представители британских властей, Сунь Ятсен держался еще осмотрительнее и подчеркивал, что «в сущности, насилие не было примене-

³⁶ **О задержании и освобождении Сунь Ятсена:** Luo Jia-lun; *The National Archives*, FO 17/1718, pp. 9–498; Cantlie, Neil and Seaver, George, pp. 103–105; Cantlie, James and Sheridan, Charles Jones, pp. 43–44; cf. Sun Yat-Sen, *Kidnapped in London*; Chen Shao-bai, pp. 34–35.

³⁷ *The West Australian*, 26.10.1896.

но; все происходило весьма дружелюбно»³⁸. В случае похищения с применением насилия потребовалось бы уголовное расследование, и тогда Сунь Ятсену пришлось бы давать показания под присягой, а в результате могла вскрыться правда.

Эта осторожность ему не понадобилась, когда речь зашла о написании книги. Благодаря активной поддержке доктора Кэнтли Сунь Ятсен спешно опубликовал свою книгу, снабдив ее хлестким названием «Похищенный в Лондоне». Книга мгновенно стала бестселлером и была переведена на несколько языков. Сунь Ятсен приобрел широкую известность, хотя его имя вызывало неоднозначную реакцию. Поначалу британская общественность была настроена доброжелательно по отношению к жертве похищения, но постепенно охладела, поскольку питала отвращение к революциям и связанным с ними насилием. Друзья четы Кэнтли иронически отзывались о Сунь Ятсене, называя последнего «этот ваш беспокойный приятель»³⁹. Супруги Кэнтли остались практически единственными его сторонниками во всей Европе.

Однако для самого Сунь Ятсена имело значение лишь то, что о случившемся узнали радикально настроенные китайцы и он прославился в их кругах. Многие добивались его расположения, и он охотно отвечал на подобные призывы. В июле

³⁸ The National Archives, London, UK, FO 17/1718, p. 120.

³⁹ Cantlie, Neil and Seaver, George, p. 107.

1897 года он наконец-то покинул Лондон и через Канаду направился на Дальний Восток. Частный детектив, тенью следовавший за Сунь Ятсеном, отмечал, что у подопечного на редкость плотный график и, когда он обращается к китайской аудитории, «к нему и его словам относятся со всем вниманием». К тому же восхищенные слушатели не жалели денег. В Ванкувере Сунь Ятсену удалось обменять свой билет во второй класс на каюту в первом классе, уплатив разницу – сто канадских долларов, вдобавок он «стал носить стильный костюм свободного кроя, в котором раньше его не видели». Сунь Ятсен с нескрываемым удовольствием говорил своему другу детства Люку Чаню: «Я получал все, чего хотел, повсюду, куда бы ни приходил». Люк вспоминал: «И действительно... он мог объехать весь свет благодаря одному только своему имени. Для него всегда находился транспорт, всегда было готово жилье и еда, деньги, когда он просил о них... даже автомобили и лодки в случае необходимости»⁴⁰. Попавший в лондонскую ловушку Сунь Ятсен стал единственным китайским революционером, который приобрел известность во всем мире.

Пользуясь своей славой, Сунь Ятсен приступил к поискам базы недалеко от Китая, где он мог бы возобновить свою революционную деятельность. Япония, прежде угрожавшая депортировать Сунь Ятсена, теперь разрешила его пребывание, обеспечила средствами на проживание и предоставила

⁴⁰ Chan, Luke and Taylor, Betty Tebbetts, p. 171.

полицейскую охрану.

В 1900 году тайное общество «Ихэцюань»⁴¹, одержимое ксенофобией и антихристианскими настроениями, подняло крестьянское восстание в Северном Китае. Меры, принятые маньчжурским правительством для его подавления, оказались неэффективными, и в Пекин вошла объединенная армия Альянса восьми держав, в числе которых были такие страны, как Япония, США и Великобритания⁴². Императорский двор был изгнан из Пекина и бежал в Сиань – древнюю столицу Китая, расположенную на северо-западе страны. Положение маньчжурской династии в тот момент казалось весьма шатким. Сунь Ятсен сообщил японскому правительству, что при финансовой поддержке Японии он мог бы

⁴¹ Название Ихэцюань переводится как «Кулак во имя справедливости и согласия». В название общества входил иероглиф «цюань» (кулак), поэтому иностранцы именовали повстанцев «боксерами», отсюда же произошло неправильное название «Боксерское восстание». В историю это массовое вооруженное выступление крестьян вошло как Ихэтуань (Ихэтуаньское восстание), так как отряды повстанцев именовались ихэтуани (отряды справедливости и согласия). *Прим. ред.*

⁴² В состав объединенного корпуса численностью в 54 тысячи человек входили также войска Российской империи, Франции, Германии, Италии и Австро-Венгрии. В 1901 году восстание было разгромлено, китайское правительство подписало «Заключительный протокол», который еще сильнее ограничил суверенитет Китая и обязал его в течение тридцати девяти лет выплачивать огромную контрибуцию странам, участвовавшим в подавлении восстания. После Октябрьской революции 1917 года Советская Россия отказалась от неравноправных договоров, заключенных с Китаем, а также от своей доли контрибуции по данному протоколу, предложив направить эти средства на нужды народного образования Китая. Другие страны – участницы соглашения продолжали получать контрибуцию до 1940 года. *Прим. ред.*

мобилизовать банды на захват нескольких южных провинций и учредить «республику». Для начала он предлагал организовать мятеж триады на юго-восточном побережье страны вблизи Тайваня, который по итогам войны 1894–1895 гг. находился под японской оккупацией. Таким образом Япония получила бы возможность использовать «волнения» как повод для того, чтобы вторгнуться на материковый Китай со стороны Тайваня.

После долгих размышлений Токио отверг этот план. Тем не менее Сунь Ятсен решил поставить японцев перед фактом и отдал своему другу Чжэну приказ организовать мятеж на побережье, а сам спешно отбыл на Тайвань: местному губернатору-японцу не терпелось начать активные действия. В начале октября Чжэн и несколько сотен его соратников подняли восстание на юго-восточном побережье Китая. Им удалось дойти до крупного порта Амой. Однако Токио строжайшим образом запретил губернатору Тайваня что-либо предпринимать, и тот был вынужден отказать мятежникам в отправке войск и оружия. Мятеж захлебнулся⁴³. Сунь Ятсена выдворили с Тайваня. (Несколько месяцев спустя Чжэн скоропостижно скончался. Это произошло в Гонконге. Смерть наступила после приема пищи. В качестве причины смерти судмедэксперт назвал инсульт, хотя многие подозревали, что

⁴³ **О мятеже триады в 1900 году:** Yang Tian-shi 2007, pp. 221–225, pp. 212–213; Sun Yat-sen (Chen Xi-qi et al. eds.), vol. 1, pp. 232, 244–249; Hsu Chieh-lin, pp. 21–24.

причиной стало отравление.)

Сунь Ятсен вернулся в Японию, однако чувствовал, что ему там теперь не рады. Он пытался найти другую, более дружественную базу вблизи Китая, но раз за разом терпел неудачи⁴⁴. Таиланд, британский Гонконг, французский Вьетнам – ему отказали все. Правительства иностранных держав предпочитали объединиться со вдовствующей императрицей Цыси, в то время находившейся у власти. Если Сунь Ятсен призывал к насильственной революции извне, то при императрице Цыси Китай претерпевал ненасильственную революцию изнутри. Бывшая наложница императора, эта удивительная женщина пришла к власти в результате дворцового переворота после смерти ее мужа в 1861 году и повела средневековую страну к современности. Стоит сказать, что ей удалось достичь значительного прогресса. В 1889 году императрица Цыси вынуждена была передать власть своему приемному сыну, императору Гуансюю, который достиг совершеннолетия; но после поражения Китая в войне с Японией в 1895 году Цыси вернула себе власть и в 1898 году возобновила реформы⁴⁵. Несмотря на то что процесс преобразований был временно приостановлен (сначала из-за за-

⁴⁴ Papers of 3rd Marquess of Salisbury, Hatfield House Archives/3M/B24.

⁴⁵ Реформы 1898 года обычно приписывают императору Гуансюю и его окружению, а вдовствующую императрицу Цыси изображают противницей реформ. В действительности все обстояло не так. О том, как на самом деле развивались события, см. в кн.: Юн Чжан (Цзюнь Чан). Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. Глава 19. М.: Центрполиграф, 2019.

говора с целью убийства Цыси, к которому был причастен император Гуансуй, а затем из-за беспорядков, учиненных ихэтуанями), как только положение в стране относительно стабилизировалось, императрица его продолжила. В первое десятилетие XX века Цыси провела в Китае ряд кардинальных реформ: была введена совершенно новая система образования, провозглашена свобода слова и сделаны шаги в сторону эмансипации женщин, начало которой положил указ 1902 года, запрещающий бинтование ног. Стране предстояло стать конституционной монархией с выборным парламентом⁴⁶. Как отмечал сам Сунь Ятсен, просвещение распространялось со скоростью «тысячи *ли* [т. е. 500 км] в день»⁴⁷. В 1904 году Сунь Ятсен случайно встретил в Лос-Анджелесе доктора Чарльза Хейгера, который много лет назад крестил его. Они разговорились, и доктор Хейгер сказал Сунь Ятсену, что «реформы, которые он ранее отстаивал⁴⁸, введены» маньчжурской династией и Китай способен возродиться

⁴⁶ **О вдовствующей императрице Цыси:** Chang, Jung, 2013.

⁴⁷ Sun Yat-sen (Chen Xi-qi et al. eds.), vol. 1, p. 346.

⁴⁸ С конца 1890-х годов Сунь Ятсен разрабатывал проекты реформ. В 1894 году он написал меморандум на имя китайского сановника Ли Хунчжана. В документе была изложена программа модернизации Китая: предлагалось шире использовать на госслужбе патриотически настроенных сановников, происходивших из ханьцев, имевших представления об устройстве западного общества, а также высказывался призыв оказать всемерную поддержку национальному предпринимательству. Чтобы лично вручить меморандум влиятельному сановнику, Сунь Ятсен совершил поездку в Северный Китай, однако не сумел добиться аудиенции.
Прим. ред.

в условиях монархии. В ответ Сунь Ятсен заявил, что «маньчжуров необходимо изгнать»⁴⁹.

В первом десятилетии XX века программа действий Сунь Ятсена – изгнать маньчжуров и основать республику – обрела популярность среди китайцев. К тому времени тысячи студентов отправлялись на учебу в Японию, и многие стали приверженцами республиканства. Когда летом 1905 года Сунь Ятсен сошел на берег в Иокогаме, люди устремились к нему, как паломники. Его сопровождали в Токио, где ему предстояло выступить в огромном зале перед многочисленной аудиторией. На улицах было не протолкнуться, люди тянули шеи, пытаясь хотя бы мельком увидеть известного визионера. Сунь Ятсена, приехавшего в накрахмаленном белом костюме, встретили громом аплодисментов. Едва он заговорил, в зале воцарилась полная тишина.

Вскоре Сунь Ятсен основал в Токио организацию Тунмэнхуэй («Объединенный союз», или «Союзная лига»). «Союз возрождения Китая», созданный им на Гавайях, исчерпал себя, и его распустили. Однако и в новой организации дела шли не слишком гладко. Товарищи обвиняли Сунь Ятсена в присвоении пожертвований и «диктаторских замашках»⁵⁰. Сунь Ятсен не был приспособлен к командной работе. Он предпочитал единолично принимать решения, отдавать рас-

⁴⁹ Hager, Charles R., pp. 385–386.

⁵⁰ Yang Tian-shi, 2007, pp. 272–312; Sun Yat-sen (Chen Xi-qi et al. eds.), vol. 1, pp. 469–476.

поражения и рассчитывал, что окружающие будут ему подчиняться.

Пятнадцатого ноября 1908 года умерла вдовствующая императрица Цыси. Газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Сразу же после ее кончины Китай ощутил нехватку сильного лидера... Без руководителя Китай быстро распадается на части»⁵¹. В этих условиях наибольший вес приобрело республиканское движение. Маньчжуры оставались иноземцами, а иноземное владычество было обречено. И хотя организация Сунь Ятсена бездействовала, преданные сторонники республики продолжали работу самостоятельно, ослабляя позиции монархии.

Через три года после смерти Цыси, в октябре 1911 года, в Учане – городе на реке Янцзы в Центральном Китае – вспыхнул антиманьчжурский мятеж, в котором участвовали несколько тысяч солдат⁵². На этот раз восстание подняли не бандиты, а подчиненные правительству войска, попавшие под влияние сторонников республики. Сунь Ятсен тогда разъезжал по Америке и не мог его возглавить. Положение спас военачальник Ли Юаньхун, коренастый, невзрачный человек, которого любили и уважали и солдаты, и местные жители (его даже прозвали «Буддой»): он проявил себя с луч-

⁵¹ *New York Times*, 02.10.1910.

⁵² Учанское восстание вспыхнуло в рядах так называемых новых войск: мятежниками были военнотружашие, получившие иностранное образование и вооруженные по западному образцу. *Прим. ред.*

шей стороны и принял командование восставшими. Он стал первым человеком, который, пользуясь определенным авторитетом и имея высокое воинское звание, поддержал революционеров, и этот факт сыграл важную роль для республиканцев.

Вскоре к Ли Юаньхуну присоединился Хуан Син – второй из наиболее влиятельных деятелей среди республиканцев. Человек грубой наружности и массивного телосложения, Хуан Син был бесстрашным бойцом. Весной 1911 года он возглавил крупный, хотя и провалившийся мятеж в Кантоне, в котором лишился двух пальцев. Теперь под его руководством повстанцы отбивали контратаки правительственных войск. Хуан Син удерживал город достаточно долго, чтобы спровоцировать восстания и мятежи сторонников республики в других провинциях.

Однако Сунь Ятсен не спешил возвращаться на родину. Больше двух месяцев он колесил по Америке и Европе, а затем на некоторое время задержался в Юго-Восточной Азии. Ему необходимо было удостовериться в победе сторонников республики, чтобы он мог вернуться, не рискуя своей головой. Кроме того, его поездки представляли собой своего рода рекламное турне. С помощью местных студентов-китайцев Сунь Ятсен объяснял газетчикам – или распорядился, чтобы эта информация была доведена до их сведения, – что восстания подняты по его приказу и, как только будет учре-

ждена республика, он станет ее первым президентом⁵³. Он опубликовал «манифест» за подписью «Президент Сунь Ятсен». Интервью с ним попадали в газеты, выходившие в Китае, и его популярность на родине росла.

Стремясь оправдаться перед революционерами за свое длительное отсутствие, Сунь Ятсен телеграфировал Хуан Сину, что остается на Западе, поскольку добивается дипломатической поддержки, которая, по его словам, являлась ключом к успеху революции⁵⁴. Делая заявления для прессы, он утверждал, что собирает «колоссальные денежные суммы»⁵⁵, и недвусмысленно намекал, что несколько банков пообещали предоставить сторонникам республики финансовую помощь в размере десятков миллионов долларов, как только он, Сунь Ятсен, займет пост президента. Он встречался с людьми, которые могли обеспечить ему поддержку или финансирование. В Лондоне Сунь Ятсен поселился в отеле «Савой» – одном из самых дорогих столичных отелей – и активно использовал фирменные бланки с его штампом. И всё же старания Сунь Ятсена не увенчались успехом. Его круг общения ограничивался преимущественно обитателями Чайна-таунов, тогда как доступ к западному истеблишменту был для него закрыт.

⁵³ Sun Yat-sen (Chen Xi-qi et al. eds.), vol. 1, pp. 558–955, 568.

⁵⁴ Sun Yat-sen (Chen Xi-qi et al. eds.), vol. 1, p. 557.

⁵⁵ Sun Yat-sen (Chen Xi-qi et al. eds.), vol. 1, pp. 558–559, 590–599; Zhang Taiyan, p. 18.

Восемнадцатого декабря 1911 года маньчжурский двор приступил к мирным переговорам со сторонниками республики. Революционеры определенно побеждали – практически вся территория Китая оказалась охвачена восстаниями. Мятежники приступили к формированию временного правительства, возглавить которое было предложено Хуан Синю. Он согласился. Узнав об этом, Сунь Ятсен поспешил в Китай и уже 25 декабря прибыл в Шанхай. Оттягивать свое возвращение он больше не мог. Он должен был увидеть рождение республики, своего детища, пламя которого неустанно раздувал почти два десятилетия. В этот важный момент он должен был присутствовать, чтобы заявить свои права на пост, который, как он считал, принадлежит ему по праву, – пост президента Китайской Республики.

Глава 2. Чарли Сун: методистский проповедник и тайный революционер

Чарли, отец трех сестер Сун, принадлежал к числу первых сподвижников Сунь Ятсена. Чарли Сун родился в 1861 году⁵⁶, он был человеком той же эпохи, что и Сунь Ятсен, и имел столь же скромное происхождение. Чарли было около четырнадцати лет, когда он, крестьянский парнишка с острова Хайнань у южного побережья Китая, так же, как и Сунь Ятсен, покинул родину и вместе со старшим братом отправился на поиски лучшей жизни⁵⁷. Первой остановкой на пути Чарли стал остров Ява, где его запросто могли принять за местного жителя благодаря смуглой коже, большим, глубоко посаженным глазам и толстым, вывернутым губам, из-за которых он совсем не был похож на китайца. Родной дядя взял Чарли в свою семью, а когда племяннику исполнилось семнадцать лет, вывез его в Америку. В шумном бостонском Чайна-тауне у дяди Чарли была крохотная лавка, где торговали шелком и чаем и где Чарли предстояло служить мальчишкой на побегушках. Чарли не умел ни читать, ни писать; он очень хотел пойти в школу, но дядя не отпускал

⁵⁶ Shanghai Managing Committee of the Historical Objects of Sun Yat-sen and Soong Ching-ling, and Shanghai Association for Soong Chingling Studies eds. 2013a, p. 1.

⁵⁷ Fifth Avenue United Methodist Church Archives.

его. По-видимому, усыновление было лишь способом заполучить бесплатного работника. Вовсе не о такой жизни мечтал Чарли, поэтому несколько месяцев спустя он сбежал. Январским днем 1879 года он пришел на пристань и поднялся на борт американского таможенного крейсера «Альберт Галлатин», чтобы спросить, не найдется ли там для него работы. Капитан Гейбриелсон проникся к юноше симпатией и взял его на судно юнгой. Скорее всего, капитан решил, что Чарли не больше четырнадцати: его рост немногим превышал полтора метра, и он выглядел моложе своих лет. Чарли не стал исправлять это маленькое недоразумение. Пока окружающие считали его ребенком, они гораздо охотнее сочувствовали ему и проявляли доброту.

Чарли обладал даром располагать к себе людей. Он был учтивым, веселым, покладистым и трудолюбивым пареньком. Капитан Гейбриелсон относился к Чарли как к своему подопечному и часто приглашал его погостить в свой дом в Эдгартауне в штате Массачусетс. Жена капитана приходилась племянницей местному судье. Супруги Гейбриелсон жили в особняке внушительных размеров. В этом доме Чарли впервые окунулся в атмосферу комфорта и роскоши, а также увидел пример беззаботной семейной жизни. Гейбриелсоны были набожными методистами, и, когда Чарли приезжал, они вместе ходили по воскресеньям в церковь. Религиозность Чарли крепла, как и его привязанность к капитану. Через год капитана перевели на другой крейсер – «Скай-

лер Колфакс», приписанный к порту Уилмингтона, штат Северная Каролина. Чарли попросил расчет и последовал за своим покровителем. В Уилмингтоне, славившемся множеством церквей, капитан познакомил Чарли со священником Томасом Рико, который в ноябре 1880 года крестил Чарли. Местная газета восторженно писала, что Чарли стал «... по всей вероятности, первым уроженцем Поднебесной, который когда-либо принимал таинство крещения в Северной Каролине», и отмечала, что этот молодой человек «вызвал весьма значительный интерес в религиозном сообществе». Прихожан «чрезвычайно впечатлило» то, как после службы Чарли обошел всех, чтобы обменяться рукопожатиями и рассказать, как он обрел Спасителя и как ему не терпится вернуться в Китай, чтобы проповедовать благую весть соотечественникам⁵⁸.

Христианская вера, которую теперь исповедовал Чарли, резко повысила его привлекательность для окружающих. В те времена протестантизм быстро распространялся в Китае, методисты принадлежали к числу наиболее ревностных «воинов Христовых». Чарли приобрел известность в сплоченном сообществе приверженцев Южной методистской церкви. Теперь капитан Гейбриелсон отступил в жизни Чарли на второй план, а роль покровителя взял на себя Джулиан Карр – табачный магнат и филантроп. В апреле 1881 года Чарли в качестве студента на особом положении был зачис-

⁵⁸ Burke, James, p. 13; Haag, E. A., pp. 30–31.

лен в Тринити-колледж (ныне это Университет Дьюка) в Дареме, где ему предстояло изучать английский язык и Библию. Президент колледжа Бракстон Крейвен и его супруга миссис Крейвен давали Чарли уроки английского. После Тринити-колледжа Чарли перешел в Университет Вандербильта в Нашвилле в штате Теннесси, служивший штаб-квартирой Южной методистской церкви; там Чарли должен был готовиться к роли миссионера. В общей сложности он провел среди методистов семь лет. Этот опыт определил и судьбу самого Чарли, и будущее его дочерей.

В своем первом – и единственном – письме к отцу, написанном вскоре после поступления в Тринити-колледж, Чарли выражал признательность своим покровителям и выказывал немалое религиозное рвение⁵⁹:

«Дорогой отец,

я напишу это письмо и дам тебе знать, где я. Я расстался с Братом в Ост-Индии в 1878 году и приехал в Соединенные Штаты и на конец [наконец] обрел Христа нашего Спасителя... теперь Даремская воскресная школа и Тринити помогают мне и я [в] большой спешке учусь, чтобы вернуться в Китай и рассказать тебе о доброте друзей в Дареме и благодати Божией... Помню когда я был маленьким, ты брал меня в большой храм, поклоняться деревянным богам... но теперь я обрел Спасителя он утешение мне куда я

⁵⁹ Все ошибки в этом и других письмах Чарли воспроизводятся без исправлений.

только не иду... Я уповаю на Бога и надеюсь снова увидеть тебя на этой земле, если будет на то воля Божия. Сейчас у нас каникулы, я в гостях в доме мистера Дж. С. Карра в Дареме. Скоро как получаешь мое письмо пожалуйста ответь мне и я буду очень рад весточке от тебя. Передай привет маме, Брату и Сестрам пожалуйста и также тебе самому... Мистер и миссис Карр порядочная христианская семья, они были добры ко мне»⁶⁰.

Однако отец Чарли так и не получил весточку от сына. Чарли направил письмо доктору Янгу Аллену, главе миссии Южной методистской церкви в Шанхае, чтобы тот переслал его адресату. Когда доктор Аллен попросил Чарли указать имя и адрес его отца на китайском, Чарли не смог сделать этого. Он не умел ни читать, ни писать на родном языке: во-первых, его родители жили слишком бедно и не могли позволить себе отдать Чарли в школу, а во-вторых, письменный китайский – очень трудный язык. Чарли только скопировал с карты для миссионеров несколько топонимов: Шанхай, Гонконг, остров Хайнань – и нанес их на простой набросок карты, отмечая примерное расположение родной деревни. Имя отца он записал на слух – так, как оно звучало на местном диалекте. Поскольку в том регионе насчитывались сотни, если не тысячи семей, чьи сыновья уехали за границу, доктору Аллену не удалось разыскать нужного человека. Чарли вы-

⁶⁰ Shanghai Managing Committee of the Historical Objects of Sun Yat-sen and Soong Ching-ling ed., vol. 2, pp. 281–282.

нужден был оставить всякие попытки связаться с родными⁶¹.

Чарли страдал от одиночества. Как-то раз он вместе с группой студентов посетил утреннюю службу в часовне, во время которой они пели, молились и рассказывали друг другу о своем опыте приобщения к религии. Один из соучеников Чарли, преподобный Джон Орт, вспоминал, что Чарли «встал и до того, как заговорил, несколько минут стоял молча. Потом у него задрожали губы, и он произнес: “Я чувствую себя таким ничтожным. Мне так одиноко. Мои родные так далеко. Я так долго пробыл среди чужестранцев. Самому себе я кажусь щепкой, плывущей по реке Миссисипи”». Орт писал: «Слезы струились по его щекам, и прежде чем он успел что-либо добавить, более десятка юношей обступили его, обнимая и уверяя, что любят его как брата»⁶².

И действительно, Чарли повсюду встречал доброту и вежливость со стороны окружающих. Люди относились к нему «с огромным уважением, восхищались [им] за целеустремленность и усердную учебу в колледже»⁶³. И все же, по словам Джерома Дауда, одного из товарищей Чарли по Тринити-колледжу, «ребята частенько поддразнивали его и устраи-

⁶¹ **Переписка Чарли и доктора Аллена:** Shanghai Managing Committee of the Historical Objects of Sun Yat-sen and Soong Ching-ling ed., vol. 2, pp. 281–285; Shanghai Managing Committee of the Historical Objects of Sun Yat-sen and Soong Ching-ling, and Shanghai Association for Soong Ching-ling Studies eds. 2013a, p. 7.

⁶² *World Outlook*, April 1938, p. 8.

⁶³ Haag, E. A., p. 79.

ивали всевозможные розыгрыши»⁶⁴. А ректор Университета Вандербильта, епископ Мактайр, порой вел себя с Чарли весьма грубо. Заканчивая свое обучение, Чарли попросил разрешения пройти также медицинскую подготовку. Епископ отказал. Как он писал доктору Аллену, выражаясь в свойственной ему надменной манере, «Сун пожелал задержаться еще на год или на два, дабы изучать медицину, подготовиться приносить больше пользы и пр. И его щедрый покровитель, мистер Джулиан Карр, не выразил намерения прекратить помогать ему. Однако, по нашему глубокому убеждению, будет лучше, если *китаёза*, каковым он был и остается, не сможет преуспеть раньше, чем начнет работать среди китайцев. Он и без того “прекрасно устроился” и отнюдь не прочь воспользоваться благами более высокоразвитых культур. Не по своей, конечно, вине...»⁶⁵.

Чарли умел видеть перспективу и не обижался по любому поводу. Он неизменно демонстрировал «прекрасные манеры» и вел себя «чрезвычайно обходительно». По-прежнему «жизнерадостный и веселый», он «всегда был готов ответить в шутливом духе», если кто-нибудь подтрунивал над ним, и тем самым ухитрялся разрядить обстановку. Окружающие отмечали его «исключительную энергичность» и «поразительную сердечность и приветливость». Он не был обделен чувством юмора. При крещении его фамилию записали

⁶⁴ Charlie Soong at Trinity College.

⁶⁵ **Переписка епископа Мактайра и доктора Аллена:** Burke, James, p. 17.

как «Soon» (вместо «Soong») – приблизительно так, как он произносил ее по-английски. Один из его товарищей по Университету Вандербильта, Джеймс Финк, вспоминал, как Чарли, когда его «представляли другим студентам, с улыбкой добавлял: «Лучше быть скоро⁶⁶, чем слишком поздно»⁶⁷.

Это внешнее добродушие отчасти являлось результатом волевых и порой мучительных стараний скрыть свои чувства. Чарли любил женщин, о чем свидетельствует письмо, которое он отправил своему товарищу по Тринити-колледжу в 1882 году:

«Обе мисс Филд здесь, однако в следующую пятницу утром уезжают домой. Можете мне поверить, они чрезвычайно приятные юные Леди которые мне очень нравятся... В Тринити теперь весьма мило, но не знаю, каково здесь будет после отъезда [девушек]... Мисс Бидгуд здесь... Она прелестна как всегда. Время от времени я навещал ее и мисс Кэсси. Она беседует так оживленно... Я прекрасно проводил целые дни [с девушками], ни разу не вспомнив о книгах... Мисс Мейми и еще двое [девушек] были у нас вчера вечером все прошло замечательно... Мы с Фортисти посетили Эллу Карр и провели время лучше, чем можно себе представить»⁶⁸

⁶⁶ Soon по-английски. *Прим. ред.*

⁶⁷ Haag, E. A., pp. 74–79; Charlie Soong at Trinity College; Hahn, Emily, 2014b, p. 8.

⁶⁸ Charlie Soong at Trinity College.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.